

Глава 1

И з всей животины в хуторке осталась только одна, зато до ломоты в зубах надоедливая шавка. Она кидалась под копыта чуть ли не каждого коня, захлебываясь от очумелого, переходящего в хрип и чудом не выворачивающего ее наизнанку лая. Ротмистр Торунский очень сильно подозревал, что и хозяевам своим она наскучила так, что оставили ее здесь нарочно. Чтобы какой-нибудь чужак между делом наступил на башку. Чего, кстати, едва не сделал Стась.

— А ну, пшла! — гаркнул он, махнув разбитым сотней походов сапогом в сторону дворнягиного зада. Здоровяк в мятом, будто пожеванном, жупане вышел из покосившегося сарая с серыми стенами, а появления внезапной опасности с тыла псина не ожидала. Но, надо отдать должное ее сноровке и, видимо, горькому жизненному опыту, быстро в изменившихся обстоятельствах сориентировалась — тонко привзвизгнув, поджала хвост и бурой тенью метнулась к ближайшему плетню. Забилась где-то в траве, чуть

перевела дух и снова запустила свою хриплую лающую шарманку.

— Даже курицы одной не оставили! — сплюнул из-под пышной мочалки усов под ноги Стась.

Судя по глубокой колее, оставленной несколькими возами, да изрядно вытоптанной копытами траве по обе стороны проселочной дороги, двинули хуторяне в лес. Конечно, догнать их ничего не стоило. По такому-то следу. Да только смысл гонять добрых боевых коней за какими-то оборванцами. Чего с них взять? Разве что посечь схизматиков нагайками. Так это всегда успеется — мало их, что ли, в Литве?

К тому же, как ни крути, союзники. Хутор-то его обитатели покинули наверняка не из-за их отряда. Московитов ждали. Те упорно давили Смоленск уже третий год, всякий раз нависая над его стенами огромной ратью и опустошая ради ее прокорма все окрестные земли. Но за это время хуторяне научились угадывать приближение разгонных отрядов. Тут же грузили все пожитки на телеги — и бежали. Наверняка загодя выкопав на такой случай в лесу землянки.

— Да с чего бы им ее оставлять?

Пузатый десятник Гловач, по своему обыкновению, правил оселком любимый кинжал. Он развалился на крыльце опустевшей крестьянской халупы, лениво щуря глаза, втиснутые между пухлыми щеками и тяжелыми веками.

— Так мы ж, ежели чего, на их стороне. — Стась заметил на полах жупана непонятно как налипший белый пух и остервенело принялся его стряхивать. Зная его не особенно терпеливый характер, ротмистр искренне ждал, когда же, не добившись на этом поприще успеха, тупой медведь выхватит тесак и начнет полосовать перья им.

— А им какая разница, кто сожрет их кур — ты или москвит? Новак. Этот даже с коня слезать не стал. Так и торчал в седле, августейше поводя взглядом то ли поверх соломенных крыш, то ли вообще поверх всего, что его окружало. Включая боевых побратимов. Впрочем, ротмистр, хоть и был тут главным по званию, сильно сомневался, что этот франт может кого-то из них назвать таким словом. Один расшитый золотыми нитями кушак Новака стоил дороже обоих пистолей Торунского. И хотя был он обычным воякой, даже не десятником, кошель его никогда не казал дна. В основном потому, ходили слухи, что приходился незаконным отпрыском одному из магнатов. Польских чи литовских — бог знает.

В любом случае ротмистр с высокомерной образиной был согласен. Пусть даже никогда вслух бы в том не признался. Он знал каждого из своих людей и мог предположить, что, останься крестьяне дома, наверняка подверглись бы экспроприации части своего имущества «на нужды союзных войск». И интерес этих войск наверняка бы коснулся не только съестных припасов, но и того, что находилось под подолом местных баб. На все это Торунский, как правило, смотрел сквозь пальцы. Особенно когда дело доходило до интереса добрых католиков к жалким пожиткам православных схизматиков. Коих в Литве обитало гораздо больше, чем, откровенно говоря, можно было стерпеть.

В любом случае здесь их ничего больше не держало. Они выслеживали некий московский обоз. Его нужно было разбить и увезти из него самое ценное. И если в опустевшем хуторе не нашлось и следов таинственного каравана, следовало поискать их в другом месте. Встретившись глазами с Гловачем, Торунский едва заметно кивнул. Десятник, будто только этого знака

и ждал, с кряхтением воздел себя на ноги, сунул кинжал в ножны, а точильный камень — в притороченную к седлу суму. Кашлянул, огляделся, гаркнул:

— По коням!

Именно после этих его слов на них навалились все последующие неприятности. Ни дать ни взять решили, будто команда эта касается именно их.

* * *

Откуда взялись эти двое — поди знай. То, что на всех въездах-выездах из хуторка расставлены его караульные, ротмистр знал совершенно точно.

Тем не менее эта парочка преспокойно вышла из-за угла крестьянской хибарки и без всяких сомнений направилась прямо к польскому разъезду. Что вообще-то было странно, учитывая их наряд, в котором легко угадывались особенности московской воинской зброи. Причем выглядела она так, будто до сего дня никто никогда ее на себя не напяливал. Одинаковые железные пластины укрепляли толстый кожаный куяк, из-под рукавов, доходивших до сгиба локтя, выпрастовывалась, искрясь на солнце, тонкой работы кольчуга, половинки наручей стянуты друг с другом не успевшими пожухнуть от постоянного использования ремнями. Даже шишаки с поднятой стрелкой и толстого плетения бармицей — одинаковые. Разве что размеры разнятся.

— Здравы будьте, бояре!

Выйдя на середину двора, гаркнул, растянув губы в неестественно дружелюбной улыбке, более низкий и сухопарый москвит. Лицо его так и лоснилось жеманной красотой, а чистоте и ухоженности перехваченных красноватой тесемкой волос позавидовала бы всякая панночка.

— Это где ж ты, скоморох, бояр увидел? Ни литвинов, ни москалей тута нема. Сапоги сам сымешь аль с покойника стягивать?

Стась умел смотреть в корень проблемы. Который, впрочем, в его случае всегда лежал на поверхности. Хочется есть — надо отрубить пробегающей мимо курице башку. Прохудились сапоги — снять вот с такого подвернувшегося под руку шута. Тем более что сапоги в данном случае тоже не выглядели пережеванными долгими странствиями. Вообще ни единая пылинка не успела прицепиться к их нарядным бокам.

Торунский сунул большие пальцы за пояс, так, чтобы в случае чего сподручнее было схватиться за рукоять шестигранной булавы. На то он и был ротмистром разгонного отряда, что мыслить мог не только о своих мозолях, пузе да о том, где после трапезы можно надергать листья лопуха помягче. Здоровяк Стась бросил этим двойняшкам недвусмысленный вызов, но никак нельзя было сказать, что слова его хоть немного заставили их напрячься. Хотя моментом впечатлилась даже брехливая псина. Умолкла она в тот же миг. Но баба с бородой лишь ощерила свои неестественно белые и ровные зубы в еще более широкую и непотребно красивую улыбку.

— Зачем же так грубо? — продолжал скалить бело-снежный частокол в своей пасти московит. — Мы пришли вам помочь...

— Если сапогами, то милости просим, кидайся брюхом на мою саблю! — как обычно, хохотнул над своей шуткой Стась. — А хотя лучше глоткой! Нечего добрый доспех дыривить!

— Мы знаем, чего вы здесь дожидаетесь, — пропустив замечание здоровяка мимо ушей, уставился нарядный московит на Новака. Должно быть, почувствовал

небольшой укол досады ротмистр, приняв того за главного. — Обоза.

Над подворьем повисла тишина. Даже Стась на мгновение забыл об обуви. Потому что был в курсе, что задание им поручили тайное.

— Если вы собираетесь отсюда уйти, не дождавшись своей цели, — зря. Потому что дождаться ее именно здесь все-таки не лишено смысла...

— Ты кто? — просто и без всяких витиеватостей прервал поток пустых слов ротмистр. А заодно дал понять, кто здесь на самом деле главный.

Нарядный балабол кинул на Торунского мимолетный взгляд, будто нечаянно заприметил в скучном пейзаже еще одну незначительную и никому не нужную деталь, и вновь обратил все внимание на важничающего Новака. Тот, скотина, сидел в своем высоком седле и принимал все эти знаки почтительного внимания за должное. Даже не думал разуверить незнакомца в том, что командиром разъезда вообще-то не является. Молчал да важно дул щеки.

— Одно могу сказать точно — послушайте нас и не пожалеете, — продолжал лить мед на мельницу чванливости Новака, упрямо продолжая именно его принимать за голову отряда, нарядный хмырь. — Обоз точно будет. И точно — здесь. Понимаю, что верить нам на слово вам не с руки. Поэтому выдвигаю такое предложение: ежели пожелаете, мы можем остаться здесь, с вами. А в каком качестве — союзников или же заложников, — решайте сами.

— Покойников. — Утомившись от избытка малоопытных слов, здоровяк Стась рванул с пояса длинный тесак и решительно шагнул в сторону незваных гостей. Широкою белозубую улыбку с рожи пригожего оратора этот маневр смахнул моментально. Сначала он рассеянно цапнул болтающийся на ремне топор, тут же,

словно только сейчас вспомнив о его существовании, дернул в сторону головы рукой, в которой покоился шлем, и лишь затем надумал цапнуть рукоять пистоля. Пока он паниковал, не зная, за что хвататься, опытный в коротких ратных стычках Стась широченным шагом подлетел к нему чуть ли не вплотную.

И тут слово взял второй москвит.

Вернее, как — слово...

Не особенно суетясь, он молча встретил атаку Стася простым и очень действенным приемом — без всякого замаха двинув ему промеж вытаращенных глаз своим шлемом. Длинноусый боров удивленно крякнул и отступил на шаг, выронив из руки тяжелый тесак. Для второго удара незнакомец уже как следует размахнулся. Звук, с которым повторно встретились башка поляка и шишак москвиты, получился не из тех, которые хочется услышать вновь. Шляхтич рухнул навзничь.

Что ж. Зато стало очевидно, что крепкий молчун ляды точить не станет. Голубые глаза, восточный разрез которых на вполне европейского типа лице выглядел странновато, теперь меряли собравшуюся публику не мирным скучающим взглядом, а вполне расчетливым холодным блеском. На долю мгновения ротмистру даже показалось, что правый глаз светловолосого блеснул, что у кота в темноте. Словно в него было встроено потаенное зеркальце. Чисто выбритое лицо — что у поганых наследников Орды вообще-то считалось немалым уродством — мигом преобразилось в воинственную маску. Брови под непослушной вихрастой челкой грозно сшиблись на тонкой переносице.

Шляхтичи замерли в невольном оцепенении. Если и раньше было не особо похоже, что переговоры дойдут хоть до какого-то исхода, не связанного с убийством двоих визитеров, то теперь иного выхода они точно не предусматривали.

Впрочем, судя по ошарашенному взгляду красноречивого москвитя, которым тот одарил своего соратника, таковая мысль пришла в голову и ему. И, разумеется, Новаку. Тот, поморщив лоб мыслями, потащил из чехла на седле пистоль. Дорогую, ясное дело, вещицу. На длинной резной рукояти, с колесцовым замком. Весь этот хутор, пусть даже был бы битком набит крестьянами, стоил много дешевле.

И в тот самый момент, когда магнатов нагулянный отпрыск щелкнул ключом, взводя механизм своего оружия, драчливый москвитя опять сделал то, чего от него никто не ожидал. Ухмыльнулся довольно раскованной и открытой улыбкой, как наскучившую ненужность отбросил в сторону шлем — словно притащил его сюда только для того, чтобы садануть им по зубам Стасю — и расслабленно скрестил руки на груди.

— Ну что, боевой побратим? Чего скажет твоя инструкция, если мы решим немного ускорить переговоры?

Кто бы ни была эта инструкция и где бы она ни пряталась, ответ на непонятный вопрос безумца так и повис в воздухе. Навсегда. Взведенный механизм Новакова пистоля коротко вжикнул, бахнул выстрел, окутавший оружие сероватым облаком. Конь Новака, дорогой, но не особенно привычный к бою, недовольно фыркнул, запрядал ушами и заплясал на месте.

А сладкоголосый побрехун упал, словно из него мигом вынули все кости. Вместо левого глаза у него зияла жутковатая кровавая воронка. Все-таки бил этот вычурный ствол на диво точно. Давно пора было его выиграть у богатенького поганца в кости.

Расслабленная ухмылочка мгновенно сошла с рожи светловолосого. Он пригнулся, дернул из-за пояса пистолет, направил его на Новака. Денежный мешок, без удовольствия отметил про себя Торунский, лицом

посерел не хуже, чем не успевший еще развеяться пороховой дым. А извечно никого ни во что не ставящий надменный взгляд на краткий миг наполнился испугом и вроде бы даже неумной жадной жизни. Больше, да и дольше ему ничем наполниться не позволили. Выстрел москoviта грохнул куда зычнее и раскатистее. Голова спесивца дернулась назад, наряженная высокими фазаньими перьями рогатывка слетела с макушки, а Новак — из седла своего скакуна с точеными ножками. Тут уж спохватился, что пора бы дать о себе знать, и десятник. Гловач метнул в москаля тот самый старательно заточенный кинжал, который правил несколько минут назад. Но лезвие лишь цвиркнуло о дуло пистолета — нарядный, что начищенная серебряная монета, воин отбил стилет в сторону в самый последний момент. Стало быть, даже если доспехи его в бою еще не бывали, про него самого то же самое не скажешь. Двое спешившихся шляхтичей метнулись к москoviту со стороны уходящего в огород плетня. А он снова повел себя крайне странно: наставил на них разряженный уже пистолет. Ничего, ясное дело, из этой затеи не вышло. Лишь пару раз безуспешно нажав на вдавленный в рукоять спусковой крючок, он сообразил, что творит что-то не то. Но сориентировался на удивление скоро, тенью метнувшись к своему мертвому соратнику. У того оружие огненного боя зацепилось за ремень, и выдернуть его с ходу не вышло. Стиснув зубы, светловолосый дернул еще раз — и успел-таки пальнуть из пистоля прежде, чем размахивающие саблями панове подскочили к нему. Тому из них, что был ближе, пуля пробила горло. Он упал на колени, хрипя, захлебываясь кровью и стискивая обеими руками шею. Зато второй рьяно подскочил к врагу и лихо, умело подкручивая каждый замах кистью, полоснул саблей в волоске от башки схизматика.

Тому миг стало не до улыбок. Уворачиваться и в последний момент отскакивать от шинкующего воздух металла он еще успевал, но времени на то, чтобы вынуть из-за пояса топор и вступить в схватку на более-менее равных условиях, никто ему давать не собирался. Уклоняться же от выпадов доброго рубаки вечно не смог бы никто. Тем более что тот не просто размахивал отточенной дугой сабли перед носом москвитя, а теснил того к ротмистру. Спиной. Опытный вояка провернуть с собой такой нехитрый маневр ни за что бы не позволил. Блондинчик к таковым, судя по всему, все же не относился. Что, учитывая его скупые воинские прихватки и движения, было странно. Он бестолково шарахался из стороны в сторону до тех пор, пока чуть не затылком наткнулся на Торунского. Тот уже давно поджидал его, сжимая в кулаке булаву. Ничем не прикрытая белобрысая макушка виделась прекрасной мишенью.

Но в тот момент, когда ротмистр, замахнувшись, уже заранее скорчился от предвкушения пренеприятной картины проломленной башки, светловолосый ни с того ни с сего подставился под очередной рубящий мах сабли. Причем сделал это максимально глупо. Выпростал вперед руку — ту самую, в радующей глаз новенькой кольчуге — и принял на нее удар. Такой, от которого эти аккуратно пригнанные друг к другу колечки спасти не могли никак. Но и здесь загодя промелькнувшая пред мысленным взором Торунского картина кровавой рытвины и перебитой кости так в мыслях и осталась. Каким-то чудом железная чешуя выдержала. Даже не помялась и не прогнулась. Что для теснившего москвитя вояки тоже стало неприятным сюрпризом. Он не удержал равновесия и неосторожно шагнул вперед. Белобрысый только того и ждал, выбросив навстречу кулак. Затем перехватил

обмягшую руку с саблей, крутанулся на месте и швырнул их обладателя прямо в Торунского. Тот запоздало махнул булавой, но вышло так, что движение это сделал, уже заваливаясь назад под весом ухнувшего на него тела. Земля с готовностью обрушилась на спину и затылок, вышибив воздух из груди. Сквозь шум в крови в ушах ротмистр слышал звон металла, топот сапог, ржание коней да надсадное дыхание Гловача.

Затем грохнули два выстрела. Более тяжелые и гулкие, чем звучащие доселе пистолетные выбухи. Видать, подоспели наймиты-мушкетеры, которых Торунский в свой отряд брать не хотел, но ему их навязали. Выходит, не зря.

Отпихнув наконец от себя бесчувственное тело умельца сабельного боя, ротмистр постарался как можно решительнее вздеть себя на ноги. Получилось не так стремительно, как должно было, но, похоже, на это никто не обратил внимания. Именно в тот момент, когда он поднимался, опираясь на свою булаву, десятник долбанул почему-то упавшего на четвереньки православного еретика какой-то доской. Прямо по башке. Дерево, треснув, надломилось. Очень хотелось верить, что череп этого хриstopродавца — тоже.

Только сейчас Торунский увидел вытаращенные глаза Гловача, а затем и вытянутые рожи стоявших за плетнем мушкетеров. Наемники смотрели на свое оружие так, будто то вдруг обернулось обмазанными дерьмом гадюками.

— Что замерли? — как можно более недовольным тоном осведомился Торунский. Всем своим видом давая понять, что это вовсе не он только что беспомощно барахтался на земле. Судя по всему, этот казус остался всеми незамеченным. Им было чему удивиться и без него.